

УДК 94(47)

В.Н. Кудряшев

ИДЕЯ РУССКОЙ НАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

В статье осуществлена постановка исследовательских задач в рамках проекта «Проблемы национальной идентичности в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.». В качестве рабочей гипотезы определен детерминирующий характер русской национальной идентичности в отношении так называемого «национального вопроса», в рамках которого не только определялись важнейшие идентификационные маркеры, но и перспективы развития России. В зависимости от вкладываемого в понятие «русская нация» этнического или политического содержания устанавливались формат национально-государственного устройства России, принципы национальной политики и межнациональных отношений.

Ключевые слова: национальная идентичность, этническая идентичность, гражданская идентичность, нация, национальный вопрос, общественно-политическая мысль.

Постановка проблемы. В 1990-е гг. Россия вступила на путь радикальной модернизации и в настоящее время переживает очередную историческую трансформацию. Среди наиболее значимых проявлений этого процесса важное место занимает смена парадигмы основных коллективных и личностных идентичностей в российском обществе, в том числе национальной.

В последние годы существования Советского Союза заметно ослабевает роль государства в формировании идентичности. В условиях всеобщего кризиса начинается дезинтеграция единого идеологического и социокультурного пространства, бывшего основой проекта формирования наднациональной общности «советский народ». Затем происходит распад государства, сопровождавшийся коренным изменением политических границ, возникновением новых государств, стремящихся подтвердить свой суверенитет. Изменился вектор политического, социально-экономического, социокультурного развития, привычные механизмы социализации были разрушены в ходе демонтажа прежних институтов. В этих условиях становится неизбежной острая актуализация национальной идентичности, поиск парадигмы которой в России происходит в русле нахождения компромисса между гражданским и этническим выражением.

Все сказанное обуславливает востребованность ретроспективного исследования генезиса представлений о русской национальной идентичности и ее месте в российском национальном дискурсе.

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Цель анонсируемого исследовательского проекта – определить влияние представления о русской нации на сущность и содержание концепций и проектов решения национального вопроса, предлагавшихся сторонниками различных течений русской общественно-политической мысли, и выявить основные направления их корректировки под влиянием конкретно-исторических обстоятельств.

Для реализации данной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- выявить особенности представления о национальной идентичности в интерпретации различных течений русской общественно-политической мысли второй половины XIX в.;
- показать соотношение этнической, религиозной и гражданской идентичности в русском национальном дискурсе;
- изучить процесс выработки в русской мысли важнейших национальных маркеров и идентификаторов и их трансформации;
- охарактеризовать влияние европейской интеллектуальной традиции на развитие идеи русской национальной идентичности;
- определить роль и значение идеи национальной идентичности в перспективных проектах русской интеллектуальной элиты будущего национально-государственного устройства и развития межнациональных отношений Российской империи.

Объектом исследовательского проекта выступает русская общественно-политическая мысль второй половины XIX в., актором которой являлась интеллектуальная элита. Будучи производной от общественного сознания, общественно-политическая мысль реализуется в системе теоретических идей и концепций, направленных на оптимизацию государственного устройства России с учетом его полиэтничности, и выстраивание определенного, закрепленного в правовой системе формата межнациональных отношений.

Предмет исследования – теоретические установки представителей различных направлений русской общественно-политической мысли, определявшие принципиальные подходы к национальной самоидентификации и отраженные в дискуссиях второй половины XIX в.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIX в. Именно в этот период закладывались доктринальные основы позиций по национальному вопросу всех направлений общественно-политической мысли России. Избранные хронологические рамки позволяют проследить выработку национальных идентификаторов наиболее яркими представителями российской общественно-политической мысли и выявить, во-первых, механизм перехода индивидуальной позиции в общественную мысль; во-вторых, основные подходы в национальной политике, ставшие особенно актуальными в начале XX в. в связи с изменениями в политической жизни и формированием политических партий и движений.

Изученность темы. Многие значимые аспекты обсуждения проблем национальной идентичности в русской общественно-политической мысли еще в конце XIX в. стали объектом научных исследований. При этом следует отметить сосредоточенность дореволюционных, советских, эмигрантских и современных исследователей на локальных аспектах темы. Как правило, вопро-

сы национальной идентичности затрагивались ими при изложении взглядов тех или иных мыслителей и публицистов. Своеобразная «локальность» присутствует и при избрании территориальных рамок исследований, когда, например, рассматриваются взаимоотношения русского народа с одним из народов Российской империи и возникающий в результате конфликт идентичностей («польский вопрос», «еврейский вопрос» и т.д.).

Заметна неравномерность в освещении взглядов представителей разных течений общественной мысли. При обращении к проблемам поиска национальной идентичности традиционно большее внимание уделялось освещению позиций представителей славянофильского и государственно-консервативного течений, либеральная и социалистическая точка зрения рассматривалась в меньшей степени. Стоит отметить заметную активизацию усилий исследователей в последние два десятилетия, но одновременно приходится констатировать сохранение тенденции к фрагментарности в изучении проблемы. Специальных трудов, где бы комплексно анализировались все аспекты и элементы формирования национальной идентичности у всех представителей русской общественно-политической мысли XIX в., нет, что является дополнительным аргументом в пользу актуальности и научной значимости данного исследования.

Источники и методы. Для решения поставленных задач используется обширный комплекс источников. В зависимости от характера содержащейся в источниках информации можно выделить: научные труды, политическую публицистику, документы и материалы политических организаций, мемуары, дневники, письма.

Специфика объекта исследования обусловила приоритет в источниковом комплексе трудов представителей различных течений общественно-политической мысли России.

Наиболее многочисленную группу источников составляют статьи в периодических изданиях различных направлений: государственно-консервативного («Русский вестник», «Русское обозрение», «Московские ведомости», «Гражданин», «Новое время»), славянофильского («Русская беседа», «Молва», «День», «Москва», «Москвич», «Русь» «Благовест», «Русское дело»), либерального («Русское богатство», «Вестник Европы», «Отечественные записки»), народнического («Народная воля», «Вперед», «Набат», «Община»), марксистского («Социал-демократ»). Наличие революционных организаций делает одним из важных источников их программные и организационные документы.

Большой интерес представляет переписка общественных деятелей и мыслителей XIX в., обращение к которой позволяет лучше понять их действительное мнение, не ограниченное цензурой, личностные качества, взаимоотношения. В ходе подготовки исследования предстоит изучить как опубликованные, так и неопубликованные письма из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Национальный дискурс, по признанию большинства исследователей в европейской и, с некоторым отставанием, в российской интеллектуальной традиции, формировавшийся под воздействием бурных национальных процессов в Европе конца XVIII – начала XIX в., изначально сосредоточился на определении принципов взаимодействия нации и государства. В нем отчетливо определились два направления в теоретико-методологических подходах к важнейшим понятиям, в том числе понятию «нация», ставшему основой национальной идентификации. Оно рассматривалось как:

1) отношение, известное под названием «гражданство», в рамках которого нацию составляет коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии;

2) отношение, известное как этничность, в рамках которого в нацию включаются все те, кого предположительно связывают общий язык, история или культурная идентичность в более широком понимании [1. С. 298; 2. С. 33–43].

Этническая и национальная идентичности сосуществуют как две частую конкурирующие формы групповой идентичности: для одной решающим фактором является культурная общность, для другой — политическая (государственная). На это обращала внимание К. Вердери, отмечая, что «нация» обозначает отношение между государством (реально существующим или тем, которое надеются обрести в будущем) и его якобы однородными подданными. Образ родства, если не биологического, то культурного, распространяется на уровень государства. Этничность же не подразумевает подобного общегосударственного измерения [1. С. 297–298].

Чаше всего различия между этнической и национальной самоидентификацией личности сводятся к тому, что первая рассматривается как данная от рождения, а вторая – как результат осознанного выбора и действий. «Нация в отличие от этноса... это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию – выбираю, могу выбрать... Нация – это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность» [3. № 5–6. С. 16].

Подобным образом указанные отличия реализуются и на уровне социумов. Здесь также национальная идентичность предполагает определенную ментальную установку, ощущение индивидом в сильной или слабой степени своей принадлежности к крупному социополитическому образованию (обычно государству). Как отмечал Ю. Хабермас, понятие гражданства развивается из понятия самоопределения или суверенитета народа, не зависящего от этнической идентичности [4. С. 370]. Гражданство, в отличие от этнической принадлежности, основанной на общности происхождения, традиций и языка, характеризует такую идентичность, которая свидетельствует о наличии политической целостности и суверенитета народа. Оно не наследуется от рождения и не передается как родовое состояние, а приобретает демократическим путем и на основе свободного волеизъявления.

Гражданство у Ю. Хабермаса является более широким по смыслу, чем традиционное юридическое «подданство», т.е. принадлежность определенных лиц к данному государству, существование которого признается между-

народным правом. Такое членство в государстве определяется в первую очередь принципом добровольности, а уже потом местом проживания и рождения [5. С. 200].

В целом сосуществование данных идентичностей отражает наличие двух наиболее значимых форм социальной группировки людей – этнической и государственной, между ними существуют сложные взаимосвязи, взаимопересечения, а иногда и взаимоисключения, и каждая из этих идентичностей – многомерное явление. Рассмотренный подход требует исследования взаимодействия и, возможно, конфликтов этносов и государства, особенно усложняющегося в условиях полиэтнических государств. Он весьма актуален при исследовании национальных проблем России XIX в. в силу популярности в русской общественно-политической мысли идеи: одна российская нация (политическая) – много народностей. Таким образом, русский национальный дискурс приобретает многомерный характер. В его рамках следует различать определение в русской мысли маркеров этнической идентичности русских и их национальной (политической) идентичности как комплекса отношений с государством и другими народностями в рамках единого государства.

Противостояние двух принципиальных подходов к феномену нации в национальном дискурсе XX в. привело к появлению концепций генетической расположенности народов к одному из вариантов национального развития [6. С. 73–75]. Адекватность данного подхода была поставлена под сомнение Р. Брубейкером, назвавшим его манихейской теорией о существовании двух типов национализма: хорошего – гражданского и плохого – этнического и соответствующих им двух концепций наций, также содержащих оценки «плохая» – «хорошая». Он не согласился с ориенталистской оценкой восточноевропейского национализма как обреченного на этническое содержание и западного как исключительно гражданского [7. Вып. 2. С. 263–264]. Данная методология содержит изначальный дефект в силу двусмысленности концептуализации культурного измерения национальности и национализма. При наложении культурных параметров на схему разделения этнического и гражданского национализма она очевидно не работает. Лишенные культурного наполнения, этническая и гражданская идентичность утрачивают важнейшие сущностные ориентиры. И наоборот, если культурный компонент налагать произвольно на выделенные виды нации, придавая им широкое толкование, то затруднено будет осуждение любых видов этнического национализма, а национализм гражданский обретет шовинистическую окраску.

Изучая разновидности национализма в их взаимодействии с государством, ученый показал, как этническая и гражданская модель в конкретных ситуациях налагались друг на друга и со временем меняли свое значение [7. Вып. 2. С. 264–265]. Эта точка зрения представляется более объективной и будет использоваться в данной работе, поскольку русская общественная мысль предлагала алгоритмы развития России как в парадигме формирования политической, так и этнической нации.

Предполагаемые результаты исследования. В качестве рабочей гипотезы предлагаются следующие положения. Господствующая в современной науке модернистская идея о государстве, конституируемом нацией, т.е. формуле, по которой исторически перспективным считается только государство, создан-

ное нацией и опиравшееся на нацию, достаточно сложно вписывается в реалии процессов нациестроительства, происходивших в полиэтнической Российской империи. Здесь одновременно в рамках конкурировавших национальных проектов, целенаправленно осуществлявшихся различными социально-политическими субъектами, формировалось несколько вариантов идентичности. Каждый из субъектов опирался на определенный потенциал, политические, культурные, интеллектуальные ресурсы, сформировавшиеся в ходе социальных, политических, этнических процессов в историческом пространстве России. Такими субъектами следует считать имперское государство и национальные элиты народов Российской империи, русскую в том числе. При этом нужно учитывать особый характер отношений между имперским государством и русской национальной элитой.

Имперские власти главной целью видели политическую интеграцию полиэтнического населения посредством универсалистских идеологических проектов, создания единого правового и административного пространства. Проводимая в Российской империи русификация не имела целью создание преимуществ для русского этнического большинства, она носила сугубо инструментальный характер в интересах укрепления государственного единства. Здесь можно говорить о проекте формирования имперской идентичности, имевшей политическую природу. Но нельзя полностью исключать этническую окраску данного проекта. В его основе опора на язык и культуру самого многочисленного – великорусского народа. В разные периоды XIX в. присутствие элементов русской этничности в государственной идеологии и, соответственно, в формируемой на ее основе имперской идентичности было неодинаковым. Важнейшим элементом государственной идеологии являлся миф об общем историческом прошлом, содержанием которого было созидание русского государства силами русского народа. Однако проводимое в рамках этой государственной политики распространение русского языка как государственного вызывало экстраполяцию негатива и на русских как его носителей. Этот негатив распространялся на русскую культуру, воспринимавшуюся как культура поработителей, стремившихся уничтожить национальную культуру других народов. Также в исторической памяти национальных элит процесс включения национальных территорий в состав России не расценивался как однозначно позитивный. С развитием национального самосознания национальные элиты разрабатывают собственные проекты формирования и развития наций, большинство которых не вписывалось в имперскую перспективу.

В среде русской интеллектуальной элиты проблема идентичности была детерминирующим элементом так называемого «национального вопроса», в рамках которого не только определялись важнейшие идентификационные маркеры, но и решался вопрос о месте русского народа (или нации) в истории человечества, его настоящем и будущем. Одним из важнейших аспектов в проблеме национальной идентичности было определение понятия русской нации. В зависимости от вкладываемого в него этнического или политического содержания устанавливались формат национально-государственного устройства России, принципы национальной политики и межнациональных отношений.

С проблемой национальной идентичности в русской традиции тесно связана идентичность цивилизационная. В определенной степени цивилизационная идентификация стала первым этапом в определении русскими интеллектуалами черт и сущности русской идентичности. Дискуссия между западниками и славянофилами определила первые координаты идентичности русских как Европы или как не-Европы, но затем русский идентификационный дискурс пошел по национальной модели в рамках дихотомии этнической и политической национальной идентичности. Однако и в дальнейшем вопрос о цивилизационной принадлежности России был своеобразным фоном дискуссий о национальной идентичности. Вплоть до середины 1860-х гг. важнейшей проблемой русского национального дискурса являлся вопрос о национальной идентичности, трактовавшейся через сохранение национальной самобытности (т.е. непохожести на Европу) в условиях разворачивавшейся модернизации. В ходе усиления колониальной экспансии России в Азии в русской общественно-политической мысли растет тревога по поводу возможного возрастания азиатского влияния. Но до конца XIX в. сохранялось убеждение в односторонности цивилизационного воздействия высокоразвитой русской культуры на отсталые азиатские народы.

В условиях полиэтнической Российской империи тезис о коллективной самоидентификации по отношению к Европе/Западу был чрезвычайно удобен для демонстрации гомогенного характера российского населения в перспективе формирования русской или российской нации. Он использовался как в рамках государственной идеологии, так и адептами русского национализма (имперского и этноцентристского). Здесь первенствующее значение приобретали фундаментальные отличия русских национальных идентификаторов, распространявшихся на все население (рассматривавшееся как православное, русское, носитель русской культуры и языка), от европейских. Этноконфессиональные различия внутри России в результате утрачивали значимость. Таким образом, и те, кто представлял Россию нацией в ряду других европейских наций, и те, кто противопоставлял ее Европе, акцентировали ее этническую однородность, ставшую основанием государственного единства как результата государственного созидания в единстве исторической традиции от Киевской Руси к Московской, а затем – к Российской империи.

Особенностью русской национальной идентичности было ее формирование в условиях уже сложившейся государственности, которая считалась русской. Поэтому даже в условиях возраставшей конкуренции других национальных проектов, с которыми русская элита вынуждена была считаться, сохранялась уверенность в силе русского национального потенциала, опиравшегося на Русское государство. Это привело к тому, что вплоть до начала XX в. преобладающим подходом русской элиты к нациестроительству был «включающий» принцип лояльности уже существовавшему Российскому государству и причастности к русской культуре (что, как правило, сопровождалось утверждением о необходимости тем или иным образом менять характер связей внутри сообщества). И лишь в начале XX в. в качестве альтернативного начинает рассматриваться «исключающий» принцип русскости, связанный с акцентированием этнических или этноконфессиональных характеристик [8. Вып. 22. С. 50–52].

Переплетение разных оснований идентификации в представлениях о русскости / российскости считается одним из проявлений того, что многие исследователи определяют как слабость русского национализма и «неоформленность» русского национального самосознания [9. С. 9–10]. Но, по мнению О.Ю. Малиновой, следовало бы говорить не столько о незавершенности «закономерного» процесса формирования национальной идентичности, сколько о неполном соответствии безусловно существующей (хотя и трансформирующейся) макрополитической идентичности матрице воображения общества, заданной идеей нации [8. Вып. 22. С. 50–52]. Эта черта русской идентичности обусловлена целым комплексом исторических, социокультурных, экономических, географических и политических факторов. Не отрицая значимости других составляющих этого комплекса, в рамках данного проекта планируется сосредоточить внимание на особенностях дискурсивного конструирования русской национальной идентичности во второй половине XIX в. и выявлении диалектики ее этнической, религиозной и цивилизационной составляющих.

Литература

1. Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 297–307.
2. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.
3. Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. – 1992. – № 5–6. – С. 10–16.
4. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы : О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 364–380.
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: КАМИ, 1995. – 245 с.
6. Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History. – Princeton, 1955. – 192 p.
7. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Ab imperio: Теории и истории национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – 2000. – №. 2. – С. 247–268.
8. Малинова О.А. Российская идентичность между идеями нации и цивилизации // Вестн. ин-та Кенана в России. – 2012. – Вып. 22. – С. 48–56.
9. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.

Статья поступила 5 сентября 2013 г.

Kudriashev Vyacheslav N. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

THE IDEA OF THE RUSSIAN NATION IN THE SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY.

Key words: national identity, ethnic identity, civic identity, nation, national question, social and political thought.

The article sets research tasks within the project «Problems of national identity in the social and political thought of Russia in the second half of the XIX century». The purpose of this study is to determine the impact of perceptions of the Russian nation on the nature and content of the concepts and projects to solve the national question that were proposed by supporters of various vectors of social and political thought, and to identify the main areas of their adjustment under the influence of specific historical circumstances.

The prevalent in modern science modernist idea of a state constituted by a nation meaning that only a state created and backed by a nation can be historically successful, does not quite fit into the realities of nation-building processes occurring in the multi-ethnic Russian Empire. At the same time here, within the framework of competing national projects purposefully implemented by various social and political actors, a number of identities was being formed. Each of the subjects relied on a certain potential, political, cultural and intellectual resources that emerged in the course of social, political, ethnic processes in Russia's historical space. As such subjects an imperial state and national elites of peoples of the Russian Empire, including that of Russian, should be considered. Here, the special nature of the relationship between the imperial state and the Russian national elite should be taken into account.

As a working hypothesis the determining character of Russian national identity has been defined with regards to the so-called «national question» within which not only important identification markers were established, but also the question of the role of the Russian nation in the history of mankind, its present and future, was being dealt with. One of the most important issues as to the national identity was the definition of the Russian nation. Depending on what ethnic or political content it was filled with, the format of the national state system of Russia, the principles of national policy and international relations were defined.

Traditionally in Russia, closely connected with the issue of national identity, is the notion of civilizational identity. To a certain degree, the civilizational identity constituted the first step towards the definition of the features and essence of Russian identity by Russian intellectuals. The debate between Westerners and Slavophiles identified the first markers of Russian identity as Europe or non-Europe. But then, in the process of developing and deepening Russian identification discourse, it went on in the framework of national model, within the dichotomy of ethnic and political national identity.

References

1. Verderi K. Kuda idut «natsiia» i «natsionalizm»? // Natsii i natsionalizm. – M., 2002. – S. 297–307.
2. Khobsbaum E. Natsii i natsionalizm posle 1780 g. – SPb.: Aleteiia, 1998. – 306 s.
3. Mezhuiev V.M. Ideia natsional'nogo gosudarstva v istoricheskoi perspektive // Polis. – 1992. – № 5–6. – S. 10–16.
4. Khabermas Iu. Evropeiskoe natsional'noe gosudarstvo: ego dostizheniia i predely: O proshlom i budushchem suvereniteta i grazhdanstva // Natsii i natsionalizm. – M., 2002. – S. 364–380.
5. Khabermas Iu. Demokratia. Razum. Nравstvennost'. – M.: KAMI, 1995. – 245 s.
6. Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History. – Princeton, 1955. – 192 p.
7. Brubeiker R. Mify i zabluzhdeniia v izuchenii natsionalizma // Ab imperio: Teorii i istorii natsional'nostei i natsionalizma v postsovetskom prostranstve. – 2000. – №. 2. – S. 247–268.
8. Malinova O.A. Rossiiskaia identichnost' mezhdru ideiami natsii i tsivilizatsii // Vestn. in-ta Kenna v Rossii. – 2012. – Vyp. 22. – S. 48–56.
9. Khosking Dzh. Rossiia: narod i imperiia (1552–1917). – Smolensk: Rusich, 2001. – 512 s.